

ХИРУРГИЯ

рассказ-быль почти по Чехову

В начале двадцатого века Эмиль Кроткий изрек сакраментальную фразу: «Зубная боль — ерунда, если зуб болит у другого».

Ясен пень, Лешке Альховику — до лампочки этот самый Кроткий с его долбаным афоризмом. У Лешки Альховика зуб, вернее то, что находилось под коронкой вонзилось в мозг раскаленным, безжалостным броском гюрзы ровно через десять часов после выхода на караван. Хотя, как боль с левой нижней «семерки» шархаает по мозгам — не поймешь этих медиков с их анатомией.

И, ясен пень, ни ожидание каравана, ни адская боль под адски жгучем афганским полуденным солнцем никак не настраивали на лирический лад. Понятно — духовский караван от разведчиков никуда не уйдет, но когда уйдет...

Короче, об этих четырех кошмарно-мучительных днях — лучше не вспоминать.

...Бросив автомат брату-близнецу Сашке, Лешка, что твой рысак, помчался в ПМП — полковой медицинский пункт, предвкушая сладострастные мгновенья по случаю избавления и от мук, и от боли, и от этого злосчастного пылесоса... тьфу, ты — зуба под коронкой.

Рванув дверь медпункта, конечно же, он увидел картину из того, далекого мирного советского прошлого, увидел лениво дремавшего «на тумбочке» дневального.

— Где зубодер, тудыть твою растудыть?

Подскочив от страха, дневальный, запинаясь, проблеял:

— Никого нет!

— ?

— Ни одного врача нет. Все в медсанбате, помогают там.— Продолжал бляеть испуганный дневальный.— Я — один здесь.

Зная не понаслышке круто-драчливую репутацию разведчиков братьев-близнецов Альховиков, державших в страхе весь личный состав полка, дневальный растекся по стене, пытаясь прикинуться то ли ветошью, то ли портянкой, на худой конец — мешком с картошкой.

— Сколько служишь? — рыкнул Лешка, поднося грязный кулак к носу дневального.

— Пол... полгода.— Вновь проблеял, еще толком не понимая, что от него хочет

поймать этот близнец, то ли — Лешка, то ли — Сашка.

Схватив полуобезумевшего дневального за шиворот, Лешка (конечно же, Лешка), поволок бедолагу к кабинету «зубодера».

— Ты будешь удалять мой зуб!?!

— Я... я... я не умею!?!

— Или ты мне удалишь больной зуб,— Лешка опять поднес грязно-грозный кулак к носу дневального,— или я тебе выбью все зубы. В конце концов, ты — десантник или где?

Удобно устроившись в кресле, Альховик напомнил дневальному:

— Руки, руки, сучий потрох, мой лучше.

— Я не знаю как...

Лешка не дал ему договорить:

— Вон, на стене висит плакат.

Да, на стене висел плакат со сверкающе-здоровыми зубами, демонстрируя все прелести какой-то там зубной пасты.

— Видишь — лежат щипцы,— болезный наставлял вновь испеченного зубодера.— И, как клещами гвоздь, вырывай зуб. Не боись. Пока бить не буду.

Дневальный, еще дрожа от только начинающегося кошмара, взял злосчастные «клещи», зажал ими больной зуб и что есть силы рванул на себя. Посмотрел вместе с Лешкой на результат «зубодерства» — в «клещах» сверкала кроваво-красная коронка. Дневальный вытер салфеткой окровавленные губы пациента.

Боль, вроде, немного приутихла. Лешка осторожно провел языком по ранке. В ней нагло, чуть не оцарапав язык, торчали три не вырванных корня.

— Рви их тоже!

— Не знаю — как!

Лешка тоже не знал — как. В это время на их счастье — есть все же десантный Бог на свете — забрел и заглянул в зубоврачебный кабинет какой-то солдат за таблетками от поноса.

— Ты... — рыкнул на него Альховик,— посмотри в шкафу, может какой букварь по-зубодерству найдешь?

Второй раз фортуна повернулась к ним лицом — в шкафу пылился учебник по стоматологии.

— Ищи картинку, как вырывать зубные корни.

Совместными усилиями картинку отыскивали. Вновь пришедший помощник, у которого моментально прекратился понос, зажал Лешкины ноги, а, вошедший во вкус и уже совсем не дрожащий, дневальный принялся за стертые «афганцем» корни левой нижней «семерки».

Без обезболивающих, без асептики и антисептики, без элементарного медицинского образования (по-русски говоря, с ломом и какой-то матерью) два солдата, взрезав десну с обеих сторон (учебник-то — на что?) удалили все корни у Лешки Альховика.

...Через три дня, как ни в чем не бывало, братья-близнецы: и Лешка, и Сашка в полном здравии со своей разведротой отправились на очередной караван.

ПИНДОСЫ

Десять лет назад, аккуратно под Новый год, начал собирать и публиковать материалы о тульских афганцах. Одним из первых — очерк о Сашке Кравченко, который мне поведал о «пиндосах». Мне это слово ничего не говорило. Пиндосы и пиндосы: мало ли кто и как в разные времена называл этих янок.

По закону жанра далее следует...

И вдруг узнаю про подноготную этих самых пиндосов. Но вначале отрывок из очерка «Он по-китайски шпрехает» из книги «Афганцы Тулы».

...Кто из нас знает, что у каждого генерала армии США имеется своя личная наградная медаль, которой он имеет право направо и налево награждать не только своих подчиненных? Еще меньше знатоков найдется, кому известно, что главный сержант сухопутных войск армии тех же США приравнивается к генералу: по крайней мере, по вопросам награждения своей личной медалью.

А наш земляк, гвардии майор запаса Александр Кравченко — десантник, разведчик, бегло говорящий на английском и разговаривающий с запинками на китайском, да просто хороший парень — награжден вышеупомянутым сержантом своей медалью за № 812. Вот так.

Из Югославии Кравченко «привез» кроме этой, с щедрого плеча штатовского сержанта, медали еще и Грамоту командира 101-го разведывательного батальона армии США подполковника Ровинье (фамилия — в русской транскрипции) «За спасение солдатских жизней», ООНовскую медаль «На службе миру» и наш Российский орден «За военные заслуги».

— И сколько ты жизней спас? — задаю вопрос Сашке Кравченко (для меня он: Сашка — вместе служили целых восемь лет в одной дивизии и потом неоднократно пересекались наши гражданские пути-дороги) — И, главное, чьи жизни?

— Сербы стреляли по американцам, албанцы стреляли по русским. Посадил на наши БТРы американцев и они спокойно, без потерь патрулировали с нашими солдатами по сербской территории. И наоборот — вот и весь секрет.

— Ты входил в состав штаба миротворческих сил ООН. Случались какие-то — как бы помягче выразиться — нестыковки с нашими «заклятыми друзьями»?

— Какие там нестыковки? Хорошо, пара случаев. Мы, русские, называли, не знаю, откуда это пошло, всех американцев «пиндосами». Однажды их бригадный генерал просит меня, чтобы я сказал командиру русского батальона о прекращении обзывания их солдат непереводаемым и непонятым, но от этого не менее оскорбительным, словом. Командир строит батальон и командным с нашим национальным ненормативным колоритом громовым голосом вещает: «С этой минуты чтобы этих пиндосных пиндосов пиндосами не называть!». Или другой случай. Американцы — ребята простые. В армию призывают, как и у нас, с восемнадцати лет, а пиво разрешают продавать только достигшим двадцать один год. Я им и говорил: «Умирать разрешается в восемнадцать лет, а пиво пить в двадцать один — где же ваша хваленая демократия, где логика?». Все, с этих пор стали меня звать в переводе на русский «Создающий трудности»...

Оказывается, что на территории своей дислокации все американцы могли ходить, бегать, отдыхать, загорать хоть в плавках, но за пределами колючей проволоки — только в полной амуниции: бронезилет, каска, оружие и все остальное, согласно перечню. И не дай Бог нарушить американский Устав, и не дай Бог такого нарушителя ранят или убьют, тогда — громадный штраф, лишение всех и всяческих льгот и увольнение (если только — ранение) без выходного пособия.

Облачившись согласно описи, американцы были просто не в состоянии передвигаться нормальным шагом, а переваливались с ноги на ногу как пингвины.

И... ларчик открывался просто.

По-сербски пингвины — правильно, угадали — пиндосы, те самые — американские вояки-пиндосы.

ЛЕВОСТОРОННИЙ КНУТ

рассказ-быль

Если в стаде не одна, а три паршивые овцы? А если это — не овцы, а трое солдат-дембелей дагестанской национальности в роте? Это вам — не хухры-мухры, тем более — не мухры-хухры.

С такой проблемой столкнулся, только что прибывший на новое место службы, командир роты (не будем называть его фамилию за давностью времен) Кировабадской воздушно-десантной дивизии (за давностью времен и эта дивизия канула в Лета, оставив после себя только тяжкие ностальгические воспоминания).

Нет, эти дембеля — справедливости ради надо отметить, что полтора года они несли службу исправно, добросовестно, о чем красноречиво говорили две младше-сержантские лычки (какой дагестанец — не командир!) на их погонах — оказались еще теми «дембелями»...

Кошмар, один кошмар: они не пререкались, не дерзили, а выслушав команду командира, лихо подбрасывали правую руку к голубым беретам, четко отвечая: «Есть!». И... и ничего не делали. Просто уходили в укромный уголок (в каждой части полно таких укромных уголков) долой с командирских все видящих глаз. Мало того: глядя на такое наплевательско-пренебрежительное отношение к требованиям командира, другие, всякие разные ротные «черпаки», «салажня» и далее — по списку, также расхлябанно-разгильдяйски стали относиться к своим обязанностям.

Мысль идти к командиру полка за помощью в наведении уставного порядка ротным и замполитом даже не рассматривалась в принципе. В сложившейся ситуации нужны какие-то другие нестандартные, где-то даже левосторонние действия (типа — левостороннего болта, или, учитывая местный колорит, левостороннего кнута) на их хитроумные ж... жизненные принципы — действия, не подпадающие (избави Бог!) под статьи УК и Дисциплинарного Устава Советской армии. И за рюмкой кировабадского пятизвездного, ни чем не уступающего знаменитому, так полюбившемуся Черчиллю, армянского аналогичного напитка, решение как бы само созрело после третьей (дело святое — третий тост!) порции чая. Присутствие замполита в таком деле сразу, автоматически превращало употребление этого напитка не в банальное чаепитие, а в продуманное мероприятие.

Не откладывая дело на завтра и послезавтра, здесь же, в ротной канцелярии, общими командирско-замполитовскими усилиями, особо не заморачиваясь дипломатическими изысками, сочинили три одинаковых письма родителям означенных бойцов.

Самих же нарушителей ротного — не Багдадского — спокойствия отправили на Гарнизонную гауптвахту: был бы солдат, а предлог для «отдыха» на «губе» всегда найдется. Хотя для наших антигероев, по правде говоря, и выдумывать ничего и не нужно.

Скоро не только сказка сказывается, но и почта в те далекие советские времена ходила согласно тарифному расписанию. И в рассчитанное время: письма — туда, рысаки — обратно (Дагестан-то от Кировабада — рукой подать). Седобородые отцы младших сержантов прискакали сей минут в парадных национальных одеждах с огромными кинжалами за поясами. И сразу, не отряхиваясь от дорожной пыли, — на злосчастный плац гарнизонной гауптвахты, где на левом фланге шеренги таких же нарушителей в безмятежном спокойствии, ничегошеньки не подозревая, обретались их сыновья. Коих в этот, отнюдь не радостный для них день, переделали в стиранное-перестиранное, старое-престарое, если точнее — переделали (естественно, специально для такого случая) в рвань дервишей, но... но с двумя младшесержантскими лычками на погонах.

Далее — картина Репина «Приплыли», или другая — «Отплыли и утонули».

Взглянув на своих отпрысков, старший аксакал произнес только одну фразу: «Вы нам — не сыновья!», и вся экзотическая троица, лихо развернувшись, поскакала обратно в свои горы, бормоча молитвы Аллаху.

Младшие сержанты — их никто и не думал разжаловать обратно в рядовые — полчаса стояли лотовскими соляными столбами, не в силах произнести что-либо членораздельное.

...Оставшиеся полгода службы эти бойцы являли собой наглядное пособие всех Уставов Советской армии, способствуя наведению образцово-показательного порядка не только в роте, а во всем парашютно-десантном батальоне.

Как-то так...